

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	9
Глава 1. «ДОМАШНИЕ ЗАГОТОВКИ». С КАКИМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ БОЛЬШЕВИКИ ПРИШЛИ К ВЛАСТИ ...	15
Глава 2. 1918: ПАДЕНИЕ В ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ	34
Глава 3. ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ 1918–1921 ГОДОВ	52
Глава 4. ГОЗПРО (ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ) И СОЗДАНИЕ ГОСПЛАНА	77
Глава 5. НЭП (1921–1930)	90
Глава 6. РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ. «НУЛЕВЫЕ» ПЯТИЛЕТКИ	116
Глава 7. КАК ПРОБЕЖАТЬ 50 ЛЕТ ЗА 10 ЛЕТ И ЧЕГО ЭТО СТОИТ	136
Глава 8. ЭКОНОМИКА ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК	167
Глава 9. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА	250
Глава 10. СЛАБАЯ СВЕРХДЕРЖАВА. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ 1945–1953	282
Глава 11. ПЕРИОД ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ (1953–1964)	324
Глава 12. КОСЫГИНСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА	423
Глава 13. ВОСЬМАЯ ПЯТИЛЕТКА (1966–1970)	480
Глава 14. РАЗВИТОЙ ЗАСТОЙ (1971–1982)	524
Глава 15. АНДРОПОВ И ПОДГОТОВКА ПЕРЕСТРОЙКИ (1983–1984)	641
Глава 16. ПЕРЕСТРОЙКА (1985–1991)	672
Политэкономическое заключение	737
Список литературы	751

ОТ АВТОРА

Блошиный рынок в Новоподрезкове занимал целое поле. Ряды прилавков, криво сбитых из досок, тянулись в морозную даль. На них вперемешку громоздились бюсты Ленина, керосиновые лампы, старые радиоприемники, солдатские шинели, автозапчасти, ящики с открытками, пластинками и книгами. Я заиндевелыми руками перелопачивал очередной такой ящик в надежде найти хоть что-нибудь по интересующей меня теме. Почти потеряв надежду, я спросил у продавца в ватнике, валенках и шапке-ушанке: «Есть ли у вас советские книги по экономике?» «А разве в СССР была экономика?» — с удивлением ответил он.

С тех пор это дикое представление об экономической системе Советского Союза я встречал неоднократно даже у вроде бы образованных людей, включая музейных работников. Историки с легкостью назовут десяток авторов, которые писали на эту тему, но проблема в том, что массовый читатель не только не знает их имен, но даже не в курсе, где узнать.

Много лет назад, получив диплом экономиста, я с удивлением понял, что за пять лет учебы мне ничего не рассказали о работе экономики моей страны в течение 70-летнего советского периода. Я подумал, что надо бы почитать какой-нибудь учебник по этой теме, но вскоре обнаружил, что такой книги в природе нет.

Мне хотелось бы объявить, что теперь такая книга есть и вы, дорогой читатель, держите ее в руках, но это было бы неправдой. Одну книгу, охватывающую всю советскую экономику от ее зарождения до гибели, написать невозможно. Моя цель — со-

здать эскиз, который можно было бы охватить одним взглядом, чтобы, поняв общую композицию, потом сколь угодно долго прорисовывать детали, обращаясь к более специальной литературе. Если моя книга послужит путеводной нитью другим любознательным дилетантам, чтобы их дорога познания была легче моей, я буду считать свою задачу выполненной.

Вы держите в руках не вполне научную книгу: она написана по материалам множества других книг, которые мне случилось найти и прочесть, чтобы что-то понять. В ней не так много фактов, совершенно неизвестных миру. Но самые большие проблемы в советской истории связаны не с фактами, а с их объяснением. Историки могут буквально по дням рассказать, какие решения в управлении экономикой принимались в тот или иной период, но часто затрудняются объяснить, почему решения были именно такими.

Я хотел написать не книгу по экономической истории, где были бы математические модели роста ВВП, оценки факторной производительности и прочие индикаторы, с помощью которых экономисты по меркам наших дней судят об успешности обществ прошлого. Это книга по *истории экономики* — о причинах и последствиях тех или иных экономических решений и контексте, эти решения объясняющем. Основной вопрос, на который я стремился ответить: «Как именно это работало и почему оно работало именно так?» В этом смысле мой подход к советской экономике не вполне экономический — отчасти он тяготеет к исторической социологии, объясняющей сложные механизмы, скрытые за общеизвестными фактами.

Так что методологической основой книги является старый добрый принцип историзма: рассматривать любое явление в развитии и во взаимосвязи с порождающими его условиями.

Всегда можно упрекнуть автора в том, что он не рассмотрел какие-то специфические аспекты своей темы, не учел каких-то фактов, проигнорировал чьи-то статьи. Как-то раз на публичной лекции меня спросили, почему упали надои молока в Архангельской области в 1973 году. Когда я честно ответил, что

не знаю, я был удостоен взгляда полного презрения. Поэтому если какие-то сюжеты в книге заинтересуют вас, но покажутся описанными слишком коротко, и вы захотите разобраться в них более основательно, я буду только рад.

Прежде чем мы перейдем к основной части книги, следует отдать должное обязательному для научных исследований ритуалу — обзору литературы по теме (список основных работ приведен в конце книги).

Одна из главных проблем экономической истории СССР заключается в том, что обобщающих работ на эту тему по-прежнему мало. На сегодняшний день существует по меньшей мере две попытки отечественных авторов вместить в одну объемную книгу экономическую историю всего советского периода: пятитомник Р. Белоусова [1-5] и четырехтомник Г. Ханина [6-9]. За рубежом основными книгами по теме считаются выдержавшая много изданий монография Грегори и Стюарта [10], почти неизвестная у нас, а также работы Алека Ноува [11]. Чуть лучше обстоит дело с книгами по отдельным периодам — например, есть широко известные работы по сталинской экономике, в первую очередь П. Грегори [12] и Р. Аллена [13]. Совсем недавно появилась объемная монография Н. Митрохина* по экономике брежневской эпохи [14, 15]. Но, учитывая масштаб темы, список обобщающих работ определенно невелик, особенно если учесть, что значительная их часть написана иностранными исследователями.

Работам указанных российских авторов присуща определенная специфика. В частности, Г. Ханин основной упор делает на статистику: если в какой-то период темпы экономического роста были высокими — значит, экономическая политика тогда была правильной, а если темпы роста упали — значит, сделали что-то не то. Мне же хотелось понять не итоговую эффективность, а мотивацию хозяйственников: почему они принимали определенные экономические решения, как они представляли

* Минюст РФ считает Николая Митрохина иностранным агентом

себе работу тех экономических механизмов, которые они вводили? Кроме того, результаты экономической политики правильнее все-таки оценивать не столько по конкретным цифрам выплавки стали или урожая ржи, сколько по тому, удалось ли достичь поставленных в рамках этой политики целей.

Подход Р. Белоусова, напротив, выглядит слишком личностным. Экономист и позже экономический историк, начавший карьеру еще в 1960-е годы, он на склоне лет стремился дать итоговую оценку тому периоду и в чем-то собственной жизни: хорошо это было или плохо? Кроме того, он почти обошел вниманием события 1960–70-х годов, возможно, именно потому, что сам был их участником, знал их из собственной практики, а изучить хотел именно предшествующие периоды и перестройку.

Н. Митрохин своей книгой вроде бы заполнил пробел с 1965 года до перестройки, но она написана в основном на материалах мемуаров и интервью и поэтому представляет собой мозаику из мнений разных советских чиновников о происходивших процессах, и за деревьями не всегда виден лес.

Забегая вперед, укажу, что, на мой взгляд, основные предпосылки для краха сложились именно в 1960–70-е годы, которые на фоне обилия работ об эпохе Сталина и перестройке остаются недоизученными, по крайней мере в экономическом аспекте. «Традиционные» историки предпочитают писать политические работы (кто в высшем руководстве СССР на кого влиял), а «новые» историки — работы по истории повседневности (в духе «повседневная жизнь советских коммуналок»). В обоих случаях экономика оказывается как бы фоном.

Одной из крайностей обобщений, касающихся советской экономики, является укладывание фактов в заранее выбранную теоретическую схему, в результате чего возникают герметичные конструкции, для которых факты уже не нужны. Хороший пример — концепция буржуазного перерождения советской номенклатуры в новый правящий класс. Она объясняет и изменения в политике после смерти Сталина («последнего верного

ленинца»), и экономические трудности 1970-х, и перестройку. Не объясняет только, почему это происходило именно так и можно ли было этого избежать, не говоря уже об объяснении конкретных механизмов. Те же проблемы, на мой взгляд, имеются у влиятельной монографии Е. Гайдара «Гибель империи», где предпринимается попытка снять с М. Горбачева и других «прорабов перестройки» ответственность за распад страны, якобы неизбежно вытекавший из снижения нефтяных цен и зависимости от зарубежных технологий, доставшейся им от предыдущих правителей [16].

Другая крайность — эмпиризм, «сборная солянка» фактов без внятного обобщения. Бывает промежуточный вариант, когда автор не хочет или не может предложить собственный взгляд, но понимает, что какую-то позицию занять все-таки нужно. В таком случае работа превращается в собрание ссылок на авторитеты.

Удалось ли мне избежать всех этих ошибок — судить читателю. Моя задача может быть сформулирована в духе Бенедикта Спинозы: «не плакать, не смеяться, не ненавидеть, но понимать». Считаю необходимым заранее сообщить, что я симпатизирую социалистической идее, считаю верными многие аспекты марксистского мировоззрения и даже думаю, что мог бы счастливо жить при коммунизме, если бы он все-таки наступил. Но именно из-за своих симпатий я считаю обязательным максимально беспристрастно и честно разобраться в том, почему советский проект переустройства мира в конечном счете потерпел поражение.

Заканчивая вступление, не могу не поблагодарить тех, без кого эта книга не появилась бы: Маргариту Викторовну Мельник, которая познакомила меня с миром советских экономистов, Галину Анатольевну Яременко, благодаря которой вышли в свет основные произведения Юрия Васильевича Яременко (я считаю его лучшим позднесоветским экономистом), Владимира Семеновича Фридмана, который когда-то убедил меня начать читать лекции о советской экономике, коллектив «Ша-

нинки», в котором происходило мое развитие как историка, мою жену Полину и мою маму, поддержка которых помогла мне дописать книгу, и, конечно, издательство «Индивидуум», которое предложило мне за нее взяться. А также всех тех читателей и подписчиков, которые своим интересом не давали забросить работу.

«ДОМАШНИЕ ЗАГОТОВКИ». С КАКИМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ БОЛЬШЕВИКИ ПРИШЛИ К ВЛАСТИ

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась», — этими словами В.И. Ленин 25 октября (7 ноября) 1917 года открыл экстренное заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который после свержения Временного правительства (чему, собственно, и было посвящено заседание) стал верховной властью в стране.

В ночь с 24 на 25 октября созданный двумя неделями ранее (12 октября) Военно-революционный комитет при Петроградском совете взял под свой контроль все ключевые узлы

Петрограда. Началась, как писали в советский период, новая историческая эпоха.

Первые задачи революции были оглашены в прокламации «К гражданам России!», разосланной по всей стране в 10 утра 25 октября. Между прочим, крейсер «Аврора» для большевиков был важен не только тем, что, «бахнув» из пушки, дал сигнал к штурму Зимнего дворца, но и наличием мощной радиостанции, посредством которой это воззвание и было передано [17].

В возвании «К гражданам России!» объявлялось, что благодаря переходу власти в руки Петроградского совета «дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено». Те же задачи все предыдущие месяцы красовались на знаменах демонстрантов в виде лозунгов «Землю — крестьянам! Фабрики — рабочим! Мир — народам! Вся власть Советам!»

Экономическая программа большевиков, с которой они решились на вооруженное восстание, представляла собой смесь мероприятий, проистекавших из общих положений коммунистической доктрины, и мероприятий неотложного характера, проистекавших из ситуации, в которой Россия оказалась к концу 1917 года.

Очень кратко обозначим основные положения марксизма для тех, кто, как автор этих строк, уже не изучал его в школе. Не зная этих основных положений, понять устремления большевиков попросту невозможно.

Марксизм — целостное мировоззрение. Этот взгляд на мир в первую очередь подразумевает, что человеческое общество развивается, причем в соответствии с определенными закономерностями, то есть уместно говорить о более и менее развитых обществах, о прогрессе. «Развитость» общества определяется господствующим в нем способом производства, то есть тем, как много товаров и услуг общество способно произвести за определенный период времени.

Движущей силой развития человеческих обществ является стремление людей жить лучше. С древнейших времен самый надежный способ обеспечить себе лучшую жизнь — заставить других людей работать на себя. Чтобы этого добиться, люди объединяются в группы и уже группами борются друг с другом. «Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»*.

Открытое насилие постепенно уступает место экономическому принуждению — когда ты заставляешь других людей делать то, что тебе нужно, не прямыми угрозами, а захватывая какие-нибудь ресурсы, которые нужны им для существования.

В промышленно развитом обществе основным средством производства являются машины, механизмы и оборудование. Люди, владеющие ими, принадлежат к классу буржуазии, а не владеющие — к классу пролетариев (наемных работников). За право доступа к средствам производства пролетарии продают единственный ресурс, который у человека нельзя отобрать, — свою рабочую силу. Они используют средства производства, чтобы с их помощью производить все блага мира, включая сами эти средства производства. Большую часть результатов их труда буржуазия присваивает себе. Насколько большую — решается в борьбе между пролетариями и буржуазией, которая обычно выражается в торге о величине заработной платы, но может принимать и форму вооруженных протестов.

Взаимоотношения людей по вопросу производства, а главное — присвоения необходимых для жизни благ определяют все остальные стороны общественной жизни, утверждает марксистская доктрина. Политический строй, нормы морали, законы

* Вторая половина ленинского определения классов из статьи «Великий почин». Первая половина: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [18, С. 27].